

но и они кончаются на мажорной ноте: душа поэта воскресает в искусстве:

Once out of nature I shall never take
My bodily form from any natural thing,
But such a form as Grecian *goldsmiths* make
Of hammered *gold* and *gold* enamelling
To keep a drowsy Emperor awake;
Or set upon a *golden* bough to sing
To lords and ladies of Byzantium
Of what is past, or passing, or to come.

[Развоплотясь, я уже не обрету телесной формы в природе, но лишь ту форму, что греческие мастера выковывают из золотых пластинок и золотой эмали, чтобы сонный император не спал, или чтобы, посаженная на золотую ветвь, она пела дамам и вельможам византийским о том, что прошло, или происходит, или грядет.]

Образ вечности у Йейтса, как и у Мандельштама, ассоциируется с золотом: оно четырежды упоминается в последней строфе; причем зрительный образ (золотой птицы и золотой ветви) соединен со звуковым (пением), как в “Айя-Софии” темные позолоты с рыданием серафимов.

В целом, можно сказать, что стихи первого ряда солярны (золото, солнце, небо, день), и архитектурный принцип доминирует над музыкальным. Как мы увидим дальше, стихи второго ряда связаны с луной, ночью, морем и музыкальный принцип в них доминирует над архитектурным.

2. ЗУБЦЫ НЕНАЧАТОЙ СТЕНЫ

Перейдем теперь к незаполненной (пока что) клетке квадрата. Стихотворение Мандельштама, которое мы собираемся туда поместить, можно назвать “византийским” лишь условно. Оно имеет несколько планов и допускает различные интерпретации. Речь идет о стихотворении “Бежит волна, волной волне хребет ломаю” (июль, 1935) из “Первой воронежской тетради”; далее мы будем его для краткости называть просто “Волны”:

Бежит волна – волной волне хребет ломаю,
Кидаясь на луну в невольничьей тоске,
И янычарская пучина молодая –
Неусыпленная столица волновая –
Кривеет, мечется и роет ров в песке.

А через воздух сумрачно-хлопчатый
Неначатой стены мерещатся зубцы,
И с пенных лестниц падают солдаты
Султанов мнительных – разбрызганы, разъяты, –
И яд разносят хладные скопцы.

Речь идет о бегущих, сталкивающихся волнах – и о штурме крепости. Оба плана метафорически совмещены очень искусно. Что такое “пенные лестницы” – волны, вздымающиеся подобно лестницам, или лестницы, вспенивающиеся массой лезущих по ним людей? Что значит “падают солдаты”, “разбрызганы, разъяты” – брызги уподоблены падающим со стены солдатам или солдаты брызгам, срывающимся с гребня волны? Как писал сам Мандельштам по поводу дантовских стихов, “попробуйте указать, где здесь второй, где здесь первый член сравнения, что с чем сравнивается, где здесь главное и где второстепенное, его поясняющее” [2, с. 233].

Ю.Д. Левин, впервые подробно разобравший это стихотворение, “дешифровал” его в социально-историческом плане, как картину тиранического государства, пытающегося поставить слепую и рабскую силу масс на службу утопическому строительству некоей новой “Вавилонской башни”. Основные положения этой “дешифровки”, включая и догадку о полемической связи мандельштамовских стихов с “Волнами” Пастернака, до сих пор представляются вескими и объективными. Существенны оговорки критика, подчеркивающего, что речь идет не об аллегории и не об однозначном смысле, а лишь об отразившемся в стихах историческом видении поэтом своей эпохи – “в характерном для Мандельштама мифологизированном виде” [3, с. 118].

Несмотря на убедительность доводов Ю.Д. Левина, загадочное стихотворение Мандельштама продолжало все-таки смущать умы, оставался открытым вопрос: нет ли конкретной исторической подоплеки в этом “ориентально-батально-морском полотне”?

Во всяком случае, “ориентально-батальный” план представлен явно неслучайным подбором деталей: *янычары*, *мнительные султаны*, *скопцы*. Не идет ли речь о каком-нибудь известном штурме? Критики пытались связать стихотворение с Крымом и “Бахчисарайским фонтаном” [4, с. 149], и даже с восстанием янычар в Стамбуле в 1826 г. [5, с. 126]. В то время, как стихи, по нашему мнению, явно и недвусмысленно указывают на событие мирового значения – взятие Константинополя турками в 1453 г.

Отчего возникало ложное впечатление? Кажется, оттого, что “скопцов” автоматически связывали с “мнительными султанами” и с гаремом, – при том еще, что “хладный скопец” фигурирует и у Пушкина в “Бахчисарайском фонтане”². Но обычай держать слуг-евнухов в царских (и вообще богатых) домах весьма древен и своего расцвета достиг именно в Константинополе при дворе византийских императоров, откуда султаны

² И в переписке: см. письмо Пушкина П.А. Вяземскому 1–8 декабря 1823 г.